

20 августа 1963 года.

ТЕАТР

ПОИСКИ И ПРОСЧЕТЫ

Богато киевское лето этого года интересными гастроллями. Среди них и спектакли Одесского театра музыкальной комедии — коллектива прочно завоевавшего славу одного из лучших в этом жанре. Он постоянно ищет и потому находит и новые интересные произведения, и новые аспекты в опереттах, в которых, казалось бы, все давно найдено.

Это стремление к постоянному поиску, к своему решению каждой музыкальной комедии, подкупает.

В оперетте, более чем в любом другом виде искусства, живучи исполнительские штампы. Зрителя часто раздражает, когда героиня мечтательно-слащаво начинает произносить свой очередной монолог или же когда в советской оперетте простые работницы девушки отплясывают канкан в манере, допустимой разве что в кабаре. И все это оправдывается жанром. Мол, в оперетте так положено.

Одесситы отказались от этого «положено» и «принято» и нашли живой, человеческий тон в решении большинства своих спектаклей. Это также свидетельствует о настоящей творческой зрелости коллектива. Именно поэтому хочется говорить со всей откровенностью не только о том хорошем, что есть в работе театра, но и о немалых просчетах в ней.

Гости вновь показали киевлянам «Белую акацию». Поставленная впервые в Одессе, рассказывающая о ее людях, оперетта И. Дунаевского вот уже десять лет является украшением репертуара театра. Она прошла 600 раз, но не утратила своей свежести и привлекательности для зрителя. Хороший прием встретили и «Лисистрата», и «Моя прекрасная леди».

Последняя пьеса знакома киевлянам по гастроллям американской оперетты, которая несколько лет тому назад была у нас. Спектакль зарубежных гостей отличался культурой, прекрасными актерскими работами, лаконичностью и выразительностью оформления. Естественно, что каждый, кто его видел, шел теперь на спектакль одесситов со своеобразным пристрастием. Хотелось, чтобы у них это было не хуже. И надо сказать, что разочарованы они не были. «Моя прекрасная леди» поставлена С. Штейном с большим тактом, во главе угла в ней — внимание к человеку, к индивидуальности. Артистка И. Иванова, играющая Элизу, убедительно показывает достоинство своей героини, талантливость человека из народа. Дитя улицы, Элиза под влиянием образования за полгода превращается в очаровательную леди.

Профессор фонетики Генри Хиггинс в исполнении В. Применко — человек симпатичный, обаятельный, но довольно толстокожий. Кроме своей науки, он ничего не знает и не хочет знать. Его не интересует, что станет с Элизой. И только, когда девушка уходит из его дома, он вдруг начинает понимать, что подобно легендарному ваятелю Пигмалиону, влюбившемуся в вылепленную им прекрасную Галатею, он не может жить без Элизы.

Интересный образ мусорщика Дулитла, отца Элизы, создает артист М. Водяной. Он играет этого прирожденного философа, не прибегая к нажиму, использует именно те краски

из своей комедийной палитры, которая заставляя зрителя смеяться, одновременно помогает ему задуматься над судьбой и над словами этого человека.

Мы остановились здесь только на трех ведущих персонажах. Но в работе каждого исполнителя в этом спектакле, как и в его оформлении (художник М. Виноградов), и в режиссуре есть одно основное качество — ощущение правды жизни, без которого невозможно искусство.

К сожалению, этого ощущения не дает спектакль «Сто чертей и одна девушка», посвященный нашим дням. Хорошую музыку написал к оперетте Тихон Хренников. Мелодии ее приобрели популярность. Но музыка не может спасти совершенно беспомощную пьесу Е. Шатуновского. Ситуации ее надуманны, шаблонны и, естественно, несколько не смешны. Вряд ли можно признать компонентом комедии сжигание комсомолки, запертой сектантами. Правда, Варя каким-то непонятным образом спасается, о чем зритель узнает после антракта, но от этого ему веселее не становится.

Взяв к постановке столь слабую пьесу, коллектив, очевидно, рассчитывал «вытянуть» ее, оттенить главное, то, что может составлять суть музыкальной комедии. Но этого не случилось. Неоправданное комкование, к которому часто прибегают актеры, томление плоти вместо светлого чувства у Степаниды (артистка З. Вотничева) и Григория (артист В. Федулов) — все это может вызвать у зрителя только раздражение.

Один из талантливых артистов театра М. Водяной в роли проповедника Агафона создает в общем убедительный образ пройдохы, ничтожество с совершенно опустошенной душой, который не остановится ни перед чем для достижения своих темных целей. Но и он не удерживается порой от соблазна просто посмеяться публике. С легкостью и даже, пожалуй, с удовольствием исполняет М. Водяной и Г. Смирнова куплеты «Аэроплан». По замыслу эта сцена, очевидно, должна служить осмеянию изпманских вкусов, изпманского «искусства». Но осмеяния не вышло, а пошлости сколько угодно.

«Сто чертей и одна девушка» — оперетта о наших днях, но назвать ее современной очень трудно, ибо современность — это не тема, а подход к ней, решение ее. И постановщику спектакля М. Ошеровскому, взявшемуся за его осуществление, следовало бы об этом помнить. Ведь и практикантка-журналистка Варя, и вся история с письмом в редакцию, и сельские комсомолцы, борющиеся с сектантами, — это все аксессуары современности. Духом же современности не проникнуты ни пьеса, ни спектакль, ибо они оставляют зрителя равнодушными, не вызывают у него ни мысли, ни чувств в связи с событиями, развертывающимися на сцене.

И если уж говорить откровенно, то классическая «Сильва» с графами и князьями, действующими в ней, в этом же театре оказалась более современной, чем «Сто чертей», ибо она заставляет волноваться, думать о судьбе простой девушки-певицы, о достоинстве человека, о месте актрисы в буржуазном обществе.

«Сильва» идет в Одесском театре в

новой редакции. В ней может показаться спорным самый финал, который так и не выясняет судьбы героини. Но бесспорно, что новая редакция углубляет тему Сильвы-актрисы, и от этого оперетта выигрывает. Однако здесь хочется говорить о другом — об исполнительском мастерстве, об актерской культуре, которые в классическом произведении проявляются ярче всего. К сожалению, приходится констатировать, что здесь не все благополучно. Зрителю может показаться, что «Мою прекрасную леди» и «Сильву» он смотрит в разных театрах, настолько разнятся эти два спектакля.

Нельзя сказать, что в «Сильве» все плохо. Нет, Е. Дембская создает привлекательный образ Сильвы, обаятельна Стасси в исполнении С. Пославской, публика искренне смеется, когда на сцене Ронс (артист С. Крупник), с изяществом играет Ферри В. Применко. Но Эдвин, которому все симпатизируют еще до начала спектакля, ибо для большинства сидящих в зале он добрый старый знакомый, Эдвин в исполнении Ю. Дынова разочаровывает. Где его обаяние, где легкость и изящество, так необходимые в оперетте? М. Силян, играющий Бони Конислау, отказался от навязчивого комкования, характерного для многих исполнителей этой роли, но вместе с тем он не нашел и тех ярких красок, которые бы помогли этому образу заиграть по-новому. Выдвинув княгиню Юлиану (артистка Л. Цыбульникову) в главные действующие лица финала, автор новой редакции Ю. Дынов и постановщик спектакля Б. Пиковский не позаботились о логическом развитии ее характера.

Заставляют желать лучшего и массовые сцены, и танцы. Какая-то печать тяжеловесности и провинциализма лежит на многих из них. Спектакль (один из наиболее долговечных в репертуаре театра) потерял свежесть, легкость, появилась в нем небрежность. И это очень неприятно. Ведь зрителю, который идет в театр, в большинстве случаев совершенно безразлично, премьера это или старый спектакль, этапная ли это работа или так называемая «проходная». Он хочет в полную меру получить эстетическое удовлетворение, заряд бодрости и веселья, которые должна нести оперетта.

Должна. Но, увы, не всегда несет. В этом убедились те, кто посмотрел водевил «Улыбнись, Света!» (музыка Г. Портинова, пьеса Б. Рацера и В. Константинова). Кажется, что авторы его специально собрали все старые затасканные анекдоты, «трамвайные» остроты, и объединяя все это незамысловатым сюжетом, не создали, а слепили пьесу. Здесь есть все — и бюро — добрых услуг на общественных началах, и влюбленный в незнакомку студент, и стилиста-карьерист, и мать-одиночка, и знающая себе цену старушка-няня и порождение культовых времен, комедант, и многое другое. Но нет главного — по-настоящему смешных ситуаций (некоторые из них крепко отдают сентиментальностью), ярких характеров, остроумного текста.

Актеры пытаются преодолеть надуманность своих персонажей. Многим это удается. Нельзя не упомянуть М. Демину в роли Зины. Она подчеркивает, что сухость, бюрократизм в ее героине — черты набожные, которыми та хочет прикрыть и свою наивность, и нежность. Хороша в роли няни Н. Астапенко, играющая с задором, весело. М. Дашевский разблачивает твердолобость, косность и душевную черствость своего комеданта. Искренностью, стремлением согреть человеческим теплом каждый образ отличается Варба и других актеров. Но как известно — из плохой пьесы трудно сделать хороший спектакль. И здесь вновь возникает недоуменный вопрос — зачем нужно было брать к постановке столь несовершенную вещь? Ведь, чтобы разглядеть ее несостоятельность, не нужно ни того вкуса, которым отличается Одесский театр музыкальной комедии, ни его стремления к поиску.

Очень досадно, что обе наиболее неудачные работы театра — спектакли новые, посвященные нашей современности. Но все сказанное совершенно не имеет целью зачеркнуть те достижения, которые имеет коллектив. Просто хочется, чтобы он на пути к обогащению своего репертуара, к расширению рамок жанра (а это одна из задач, которые ставит перед собой театр), проявлял больше требовательности и в выборе пьес, и в работе над ними.

Л. КЛЕВЦОВА.